
Марк Мацкевич
Жена на время проверки
18+

Марк Мацкевич

Жена на время проверки

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Жена на время проверки / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Зоя Ливен приехала на остров стекольщиков проверить главу гильдии. Матиас Орсо показал ей безупречные счета и предложил стать его женой. Только так ей дадут прочитать настоящие книги.У сделки есть одна тонкость. На Склярах присяжное стекло звенит, когда при нём лгут вслух. Поэтому Матиас каждое утро рисует Зое на запястье брачную запись, а за семейным столом они обходятся без слов «муж» и «жена».До Большой плавки сорок дней. За это время Зое нужно завоевать доверие шести старших жён гильдии и выяснить, кто варит стекло, которое молчит даже при лжи. Но чем ближе она к разгадке, тем чаще ловит себя на том, что ждёт утра, когда Матиас снова возьмёт её за руку.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марк Мацкевич
Жена на время проверки

Глава 1

За первый час на острове Скляры мне не сказали ни слова неправды, и это было хуже всего, что я видела за десять лет в Палате Реестра.

— Это книги гильдии, — сказал глава гильдии и положил передо мной двенадцать томов в синей коже. — Их показывают ревизорам.

На столе между нами стоял бокал. Он стоял там, как я уже поняла, не для питья. Бокалы стояли на всех столах, на подоконниках и на полке у двери, тонкие, чуть зеленоватые, с клеймом на ножке, и каждый из них за четыреста лет ни разу не позволил скляру солгать у себя дома. Контора на внешнем причале тоже считалась домом, хотя дальше неё чужих не пускали: сам остров я видела только через канал, так что «на острове» надо понимать с поправкой на двести шагов зелёной воды. Об этом написано в уставе. Я читала устав на пароме, два раза, второй раз с карандашом.

Бокал молчал.

— Это настоящие книги? — спросила я.

— Это очень красивые книги, — сказал он.

Тонкая нота, которой я ждала, так и не пришла. За окном кто-то волок по доскам мокрую верёвку. Жар от печей доставал сюда через всю воду, подоконник был тёплый, как бок животного, и на зубах у меня уже поскрипывал мелкий песок, хотя я ничего не ела.

Синяя кожа была тёплая, как подоконник, и первый том открылся с сухим треском. Книги и правда были красивые. Суммы сходились. Подписи стояли там, где им положено, разными почерками и чернилами, а нажим прощупывался с обратной стороны листа, как у живых людей, которые торопятся. Ошибка в подсчёте угля за март была исправлена в апреле, с пометкой. Это особенно тронуло. Кто-то когда-то сел и нарочно ошибся в подсчёте угля, чтобы мне было что найти.

Весы нагрелись в кармане. Я достала их, и его чайная ложка щёлкнула о чашку.

— Что она сделала? — спросил он с большим интересом.

— Пока ничего. — Ложка весила как серебряная. Жаль. — Сколько у вас тиглей на острове, мастер Орсо?

— А сколько записано?

— Я спрашиваю, сколько у вас тиглей.

— А я восхищаюсь, как вы спрашиваете.

Звали его Матиас Орсо, ему было тридцать девять лет, и он был, по всем отзывам, лучший мастер Вельмара. Отзывы я тоже читала на пароме. Там не упоминалось, что он будет так улыбаться. Рукава он закатал, словно ждал гостей прямо от печи, и от запястий до локтей руки у него были в мелких белых ожогах. Руки выглядели старше лица и намного честнее. Говорил он без остановки, легко и с удовольствием, и за час рассказал мне про свою тётку, про рыбу, про единственную лошадь, которую жених однажды привёз на Скляры и которая через три дня ушла от него вплавь. Дошёл до того, как в канал упал епископ, и на этом месте заметил в окне чью-то лодку и отвлёкся. В конце этого часа я не знала о нём ничего.

В Палате меня учили, что если человек много говорит, рано или поздно он проговорится. В Палате не было таких бокалов.

К третьему тому я перестала задавать вопросы и начала просить утверждений. Утверждение можно поймать, у него есть края.

— Скажите, пожалуйста: в этих книгах нет ни одной ошибки.

— Есть, — ответил он с готовностью. — Уголь за март. Вы её уже нашли, я видел, как вы обрадовались.

— Тогда скажите: всё, что здесь записано, правда.

— Вы всегда так прямо сидите или это по службе?

— С девяти лет, — сказала я.

И только когда перевернула страницу, поняла, что отвечала опять я. Он сидел напротив и рассматривал потолок с видом человека, которому хорошо.

Около пяти пришёл старый писарь гильдии составлять опись. Сухой, в нарукавниках, пальцы чёрные до второго сустава. Он пересчитал тома, я пересчитала за ним, он пересчитал за мной, и мы остались довольны друг другом. За весь день это был единственный человек на причале, который не сказал ни одного лишнего слова. Весы лежали на столе раскрытые, чашки ещё покачивались после ложки, и смотрел он на них дольше, чем на меня. Потом на моё серое служебное платье. Потом снова на весы.

— Поверены? — спросил он.

— В марте. Клеймо на коромысле.

Он кивнул, обмакнул перо и подвинул мне опись. Лист за день высох на этом жаре и шуршал под ладонью, перо цепляло песчинки, и в графе о состоянии ревизии я своей рукой вывела: «Идёт по документам». Двенадцать томов по норме Палаты отнимают тридцать шесть дней и ещё четыре на свод, так что до середины лета меня никто не должен был ни видеть, ни спрашивать. Писарь промокнул лист, забрал первые четыре тома, прижав их к нарукавникам, и унёс к ящику, ступая так, чтобы не скрипнула ни одна доска.

— На память, — сказал Матиас и поставил передо мной гранёный стаканчик с клеймом, размером с напёрсток.

— Ревизор не принимает подарков.

— Тогда образец.

На образец я выписала расписку и подписала её полностью: Зоя Ливен, ревизор Палаты Реестра. Он расписался с наслаждением и спросил, нельзя ли подарить мне что-нибудь ещё, ему давно никто ничего не выписывал.

Расписку надо было убрать. Папка у меня плотная, бумаги в ней лежат по порядку, и пальцы, пока я подравнивала стопку, сами дошли до нижнего листа. Вынимать его я не стала, но помнила дословно, потому что сама подписала. «Чистота гильдии скляров подтверждена. Расхождений не выявлено». Три года назад мне принесли этот акт в кабинет на третьем этаже в половине двенадцатого и попросили не задерживать, у лорда Оверстрена обед. На острове я никогда не была. Всю службу я проверяла всё, вплоть до сдачи у разносчика, а в тот день посмотрела на часы и подписала.

Лорд Оверстрен теперь давал показания. Шестьдесят одну его запись суд уже вернул на место. Новая служба ревизии поднимала всё, что выходило из его кабинета, папку за папкой, пыль от них стояла на всех лестницах Палаты, и у меня был выбор: подождать, пока дойдут до моей подписи, или приехать сюда самой. На материк пришёл донос, безграмотный и анонимный, про какое-то немое стекло: то же клеймо, та же зелень, только не звенит. На материке все крупные сделки подписывают при пробной чаше скляров, она стоит посреди стола между чернильницей и сургучом, и перья скрипят рядом с ней очень осторожно. Если чаша немая, лгать при ней можно сколько угодно, а в архиве останется, что всё чисто. И если донос правдив, то подтвердила это я, за полчаса до чужого обеда.

— Я заберу их на проверку, — сказала я и закрыла том.

— Забирайте, — сказал он радостно. — Там всё сходится.

Бокал молчал. Я начинала его ненавидеть.

* * *

Последний паром уходил на закате, и тома уже стояли на нём в ящике, с описью, на имя Палаты. Глава гильдии сам вызвался отвезти меня к парому, что было любезно и совершенно излишне. Зелёная вода лежала в канале ровно, дома стояли по пояс в ней и светили окнами, а из труб вдоль всего берега шёл такой жар, что воздух над крышами дрожал и шевелил колокольню, как отражение. Папку я держала на коленях. Он грёб стоя, как здесь принято, и молчал уже целую минуту. Это меня насторожило.

На середине канала он положил весло.

— Посмотрите, — сказал он. — Ни одного бокала.

Лодка и правда была пуста, если не считать нас и верёвки.

— Лодка не дом, — сказал он. — Устав её не касается, и все этим пользуются. Половина браков на Склярах заключена в лодках. Скажите что-нибудь неправду.

— Зачем?

— Для удовольствия. Вы за весь день не сказали ни одной, я слушал. Вот, например: мне приятно с вами познакомиться.

— Мне не приятно с вами познакомиться.

— Это правда. Я просил наоборот.

— Мне… — Я замолчала, потому что вдруг оказалось, что это не так просто. — Приятно. С вами.

Он взглянул на меня с сочувствием, как врач на запущенный случай.

— Ладно, — сказал он. — Донос написал я.

Вода тихо постукивала в борт.

— В доносе, — сказала я, — «ревизор» написан через «е» и два раза через «и».

— Я старался. Почерк левой рукой, а орфография от сердца. Этими книгами вы можете заниматься до зимы, госпожа Ливен, они безупречны, я сам их видел. А настоящих вам не покажут. И мне не покажут. Домовую книгу на Склярах ведут жёны старших мастеров, шесть тетрадей у шести женщин, а главе гильдии читать её запрещено с основания гильдии. Кто варит, тот не считает. Очень мудрое правило, я был бы рад встретить его автора.

— Значит, я вызову стражу.

— Стража приходит только по вашему акту. Акт только по книгам. Вы читали устав.

— Два раза.

— Я заметил карандаш. Новой жене главы старшие жёны отдают тетради сами, когда примут её в дом. Это занимает недель шесть. А десятого июля Большая плавка, и всё, что варили весь год, уплывёт с острова.

— Шесть недель — это сорок два дня. До десятого июля сорок, считая сегодняшний.

— Значит, придётся нравиться быстрее.

Он вынул из-за пазухи что-то маленькое и поставил на скамью между нами. Стаканчик, гранёный, с клеймом на ножке, брат того, что лежал у меня в папке, поймал низкое солнце и уронил на доску зелёное пятно. Лодка качнулась, пятно поползло, а сам он даже не дрогнул.

— Для серьёзного разговора в лодке, — пояснил он. — Я написал донос. Я не варю немое стекло. Я хочу найти того, кто его варит.

Стаканчик молчал.

Весы я разложила на папке, прикрыв ладонью от ветра, и сверила стаканчики: его был тёплый от пазухи, мой прохладный от бумаг. Он не мешал. По-моему, ему даже понравилось. Чашки покачались и встали вровень, до грана, и это не доказывало ровным счётом ничего: оба стаканчика я получила из одних рук. Автор доноса про стекло, которое не звенит, предъявлял мне стекло, которое не звенит, в подтверждение своих слов. За такое у нас в Палате снимают премию.

— Солгите при нём, — сказала я.

— Нет.

— Что угодно. Про погоду.

— Про погоду я вам лучше правду скажу, она хуже. Нет, госпожа Ливен. При нём я не буду.

Сказано это было легко, и всё-таки он не добавил ни истории, ни шутки, а я за день успела выучить, сколько весят его фразы обычно. Эта вышла короткой. Я отметила это на полях. Либо передо мной сидел очень честный человек, либо очень бережливый, и для проверки стекла не годился ни тот ни другой. Кроме него, в лодке оставалась только я.

— Мне приятно с вами познакомиться, — сказала я стаканчику.

Писк вышел крошечный и злой, комариный, и у него было направление: от скамьи прямо мне в зубы. Он повисел над водой и погас. Матиас Орсо закрыл глаза, как человек, слушающий хорошую музыку.

— Со второго раза глаже, — сказал он. — Но вы слышите, какая у вас ложь? Чистая. Такую можно в палату мер и весов сдавать.

Значит, стекло было живое. Хотя бы это. Я сложила весы.

— Вы глава гильдии. Зачем главе гильдии писать левой рукой? Вы могли встать и сказать вслух.

— Видите второй мост? — Он показал подбородком на тёмную дугу за нашей кормой. — Вот с него и упал епископ, только мост тогда был деревянный, а епископ, наоборот, в полном облачении…

Мимо борта проплыла корка хлеба. Я подождала, пока она скроется, и записала себе: вопрос не снят.

— И у вас нет жены, — сказала я.

— Это единственное, что знает обо мне весь остров.

— Вы предлагаете мне подделать запись в Реестре.

— Боже упаси. За это каторга, и вы первая меня туда отправите. А настоящая запись сделает вашу ревизию ничтожной, со всеми актами, какие вы тут напишете. — Он сел на скамью напротив, очень близко, потому что лодка была узкая, и впервые за этот день перестал улыбаться. Лицо от этого стало совсем другое, и я не решила пока, лучше оно или хуже. — Я предлагаю подделать запястье. Строка у супругов на левой руке, все привыкли смотреть туда, а в Реестр отсюда пишут три недели. Стеклянным пером, у нас есть чернила, которые держатся до вечера. Вы ни разу не скажете, что вы моя жена. Я ни разу не скажу. Стекло не простит, да и врать вы не умеете, мы только что слышали. Вы просто будете жить в моём доме, и пусть все думают что хотят.

Колено его оказалось в ладони от моего. От него несло жаром, как от кирпича, который вынули из печи и забыли, и пахло дымом и нагретым песком. При устном счёте такое мешает. Я передвинула папку на сторону этого колена и пересчитала заново.

— Чужих на остров пускают только по родству, — сказала я. — Кто вошёл как родня, выходит после плавки. До неё лодки вывозят только стекло.

— Вы и правда читали два раза.

— А если я передумаю на пятый день?

— Будете передумывать на острове. Там очень много рыбы.

Это был первый его довод, который я приняла близко к сердцу.

— Меня видели, — сказала я. — Ваш писарь смотрел на мои весы.

— Мой писарь живёт при конторе, на остров его калачом не заманишь. Видел он серую служащую, которая сейчас уплывёт за своим ящиком. Завтра будет другая лодка с другого берега и другое платье. У вас есть не серое?

— У меня есть два серых.

— Я так и думал.

— И никто в Палате не спросит, где я.

— Ревизия идёт по документам, — сказал он кротко. — Вы сами написали. Я видел.

Писаря я про себя занесла в риски, первым номером. Солнце садилось за паромом, и вода вокруг лодки из зелёной становилась бутылочной, той самой, какая стояла в бокалах.

— Сорок дней, — сказала я.

— Сорок дней.

— С человеком, которого я приехала проверять.

— Удобно же. Всё время под рукой.

Стаканчик стоял между нами и отражал закат всеми гранями, очень довольный. Это были три правды, каждую я могла записать. И я очень хорошо умею видеть, чего в отчёте нет: это, собственно, и есть вся моя работа. Человек, который хочет только поймать вора, не считает слова так аккуратно. Он сказал, что не варит. Спросить его можно было о сотне других глаголов.

— Вы сказали мне три вещи, — сказала я. — Что вы мне не сказали?

Он улыбнулся снова, медленно, поднялся и взялся за весло.

— Это вопрос, госпожа Ливен. Вопросы здесь не звенят.

Паром на том берегу дал первый гудок, и звук долго шёл к нам по воде. Через четверть часа он уйдёт, а на нём уйду я, вслед за двенадцатью красивыми томами, с актом на дне папки, и буду ждать, пока до него дойдут. Лист там лежал совсем лёгкий, я его как-то взвесила. Согласилась я не потому, что поверила этому человеку. Я никому не верю, это прописано у меня в должностной инструкции.

Весло так и не опустилось в воду. Он ждал, стоя надо мной против заката, и с лопасти падали редкие капли, тёплые, как и всё здесь.

— Покажите руку, — сказала я.

Глава 2

Платье он привёз в мешке из-под песка.

Едва светало, на мостках ниже рыбных сараев пахло тем, чем там и положено пахнуть. Я стояла с сундучком, в сером номер два, когда из тумана вышла его лодка. Глава гильдии грёб стоя и уже что-то рассказывал, хотя расслышать его пока могли только чайки. Мешок он кинул мне, ещё не причалив.

Платье оказалось зелёное, цвета вчерашней воды. Надевала я его за сараем, среди развешанных сетей, пока с той стороны излагалась история швеи с Канатной улицы, которую подняли среди ночи и сообщили, что у заказчицы прямая спина и никакого снисхождения. Стекла на этом берегу не было, так что швею он вполне мог выдумать. В плечах вышло широко, на палец: мерки снимались на глаз, и глаз промахнулся. Это меня успокоило.

В правом шве нашёлся карман. Глубокий, квадратный, точно под футляр моих весов, пришитый другими нитками, крупным ровным стежком, каким зашивают мешки. Швеи так не шьют. Весы легли в него без зазора, тяжело и удобно стукнули по бедру, и я вышла из-за сетей, ничего об этом не сказав. Он окинул взглядом мои плечи и заговорил о приливах. Про карман он не сказал ни слова, а этот человек говорил про всё.

Пролив лежал белёсый и гладкий. Сундучок я зажала коленями, и на каждом гребке угол толкался сквозь ткань.

— Рада знакомству, — сказал он, налегая на весло. — Повторяйте.

— Вчера вы объясняли, что при стекле этого говорить нельзя.

— При стекле ни за что. При стекле вы скажете «здравствуйте», это пожелание, оно не звенит, я проверял. Но на причале, на мосту, в лодке стекла нет, и там вас тоже будут спрашивать. Человек, который и на мосту говорит одну правду, вызывает у нас вопросы. Давайте. Легко, с улыбкой.

— Рада знакомству.

— Так родне сообщают о вскрытии.

— Рада. Знакомству.

— А это уже само вскрытие. Плечи опустите, вас никто не собирается штрафовать.

Лгать оказалось физически неудобно: на первом слове горло сжималось, как на рыбьей кости, и всё остальное приходилось проталкивать следом. Я повторяла, глядя на его сапог. На двадцатом разу чайка над нами сменила направление. К тридцать седьмому рот выдавал фразу сам, гладко, без моего участия, даже с чем-то вроде интонации. Так бывает и с рукой, когда подписываешь. Об этом я думать не стала.

— Прекрасно, — сказал он. — Почти человек. Теперь дом. Там у вас будут заготовки. «Как вам у нас?»

— Что я должна ответить?

— «Здесь очень тепло». «Как вам наша тётя?» — «У неё сильные руки».

— Я её не видела.

— Увидите.

— Тогда подтвержу после осмотра.

— «Как вы познакомились?» — «Он написал письмо. Я приехала».

Я проверила это с двух сторон. Письмо было адресовано Палате и содержало три лишние буквы, но оба утверждения держались.

— Звучит как вызов в суд.

— Женщины будут плакать. Дальше, самое трудное: «Что вы в нём нашли?»

— Пока ничего.

Весло на мгновение повисло над водой. Он захохотал так, что лодку повело.

— Это оставьте! Это в заготовки не пойдёт, это на чёрный день.

— Я запишу.

— Написанное не звенит, зато его читают. Держите в голове. И два слова, вы их знаете. Другие пусть говорят сколько угодно, вы кивайте.

— В уставе сказано «вслух». Шея под него не подпадает.

— Вот видите, как быстро вы у нас приживаетесь.

Вся подборка, если произнести её подряд, звучала как показания свидетельницы, которую взяли из дому без обуви. Я прочла её про себя дважды и убрала туда же, где лежал устав.

Остров начался раньше, чем показался: сперва над водой встало дрожание, потом щёки ощутили ровное тепло, хотя солнце едва оторвалось от воды и грело только спину. Потом из дымки вылезли трубы. Дальний причал оказался задним двором всего этого, чёрным от угля и жёлтым от песка; лодки тёрлись о него бортами, гружённые с верхом, и угольная пыль сразу осела у меня на зубах. Контору с внешнего причала отсюда было не видно: между ней и этим двором лежал целый остров. Мужик с мешком на плече крикнул через воду:

— Мастер! Эта, что ли? Ну, рада, что приехала?

Стекла вокруг не было ни крупинки. Тридцать семь повторений стояли у меня наготове. Я открыла рот.

— Здесь много песка, — сказала я.

Мужик подумал, кивнул с уважением и понёс мешок дальше. Матиас Орсо за моей спиной тихо вздохнул и завёл лодку под арку.

Внутри острова не было ни одной лошади и ни одной сухой улицы. Дома стояли по пояс в зелёной воде, с причальными кольцами вместо коновязей; на мостиках сидели дети и болтали пятками над нашими головами. В каждом квартале из стены выходил жар, как выходит из открытой пасти, и когда лодка шла мимо, у меня сохла правая половина лица, а за углом левая. Где-то били железом по железу, и что-то тонко, длинно, не торопясь звенело: это просто остывало, объяснил он, на это внимания не обращайте. Дно на мелких местах блестело. Я перегнулась через борт. Там лежал бой, четыре века битого стекла, зелёного и белого, и вода над ним шла мелкой чешуёй.

Трубы я досчитала до семидесяти и бросила: лодка вошла под тёмную дугу, и щекам стало холодно.

— Второй мост, — сказал он с нежностью. — Так вот, епископ шёл с собакой…

Вчера собаки не было. Вчера мы, правда, тоже сидели в лодке, а лодка не дом, и я оставила это без пометки.

Дом главы гильдии стоял через канал от большого дома Орсо, узкий, в три окна, и пах так же, как его хозяин. Песок скрипел в щелях пола, и тихо пройти здесь не получилось бы ни у кого. На полке у двери, на кухонном окне и на каждой ступеньке, где была хоть какая-то площадка, стояли бокалы, и лестницу я прошла боком, прижимая локти. Он занёс сундучок наверх, в комнату с широкой кроватью, и заметил, как я эту кровать измеряю.

— За стеной топчан, — сказал он. — Короткий, я проверял. Пойду за чернилами, они у меня в холоде. Не трогайте ничего внизу.

Это была просьба, а не запрет, и я прекрасно знала разницу. Пока он гремел в погребе, я вынула акт из папки и вложила за подкладку сундучка; бумага вошла туго, с шорохом, который показался мне громче всего его погреба. Папка ушла на дно, на неё легло серое номер один, и под складку я завела свой волос. Потом спустилась и пересчитала ложки. Девять. Все как та, вчерашняя, по весу в ладони, только не такие начищенные. Когда он поднялся с пузырьком, я уже сидела на краю кровати и смотрела в окно.

Строка рисуется на внутренней стороне левого запястья, там, где кожа тоньше всего и видно жилку. Настоящую я видела сотни раз и никогда не задумывалась, что её можно положить на чужую руку и вести пером от косточки вверх, медленно и не отрывая, чтобы не дрог-

нул хвост. Он придвинул табурет к самому окну и сел так, что колени упёрлись в край кровати по обе стороны от моих. Чернила пахли железом и чем-то горьким.

— Не дышите, — сказал он.

— Я дышу в обычном порядке.

С подоконника, из бокала, пришёл зуд, тоньше комариного, и сразу кончился.

Он даже головы не поднял.

— Вы дышите как человек, которого обыскивают.

Стекло звенит только на то, что сам считаешь ложью; я читала это два раза, второй с карандашом. Значит, я знала. Сообщили мне об этом с подоконника.

Перо было стеклянное, холодное, холоднее, чем можно было ожидать в этом доме. Рука его держала мою снизу, большим пальцем на пульсе, совершенно деловито. Подушечка у пальца была твёрдая и гладкая, без рисунка, сожжённая, наверное, ещё в юности. Он молчал. За всё утро это случилось в первый раз: рот у него закрылся, лицо стало пустым и внимательным, и холодная точка поползла от косточки вверх, оставляя за собой мокрую чёрную нитку. Я считала буквы. Он написал, подул, и от этого по всей руке до локтя пошла отдельная неприятность, и повернул моё запястье к окну.

Реестр поздравляет. Реестр не уверен.

— Настоящие строки ехидничают, — сказал он, и голос вернулся вместе с улыбкой. — Если ваша будет вежливой, нас раскроют за неделю. Теперь вы мне.

Руку он подал ладонью вверх, как подают инструмент. Ожоги кончались у самого запястья, дальше шла полоска бледной кожи, почти чистая, и на ней толкалась жилка. Положено держать большим пальцем, и я взяла как положено. Шестьдесят два удара в минуту. У людей, только что совершивших преступление, такого пульса не бывает, и это я тоже отметила. Рисовать на нём у меня вышло ровнее, с хорошим нажимом, почерком для актов. Я написала: «Брак зарегистрирован».

Бокал на подоконнике стоял и не шевелился. Всё написанное не звенит. Я десять лет читала написанное, и мне стоило бы подумать об этом раньше.

Он посмотрел на своё запястье и вздохнул.

— Завтра поговорим о вашем чувстве юмора.

Он ушёл к печи, и до вечера я разбирала сундучок. Чернила высохли и тянули кожу при каждой вынутой вещи. Рядом со строкой, там, куда ничего не писали, оставалось ещё одно место, размером с большой палец, и я потрогала его, чтобы установить, отличается ли оно температурой. Не отличалось. Я потрогала ещё раз, для верности, и опустила рукав.

Ужинали в доме Орсо, на первом этаже, за столом длиной с паром. На входе я сказала «здравствуйте», и никто не умер. Двадцать три человека, одиннадцать бокалов в пределах слышимости; бокалы я сосчитала первыми, в каждом сидело по жёлтому огоньку. Рыба была, вино было, дети были под столом. Из распахнутых окон тянуло каналом, сырым и зелёным, а от людей теплом, и лампа над столом уже коптила. В конце, у самой стены, сидел высохший старик, положив ладонь плашмя на доску, и в еду не смотрел. Мне сказали, что это мастер Тит, он глухой уже двадцать лет и слышит стекло рукой через стол. Я положила пальцы на край доски. Доска была тёплая, чуть липкая и ничего мне не сообщала.

Все смотрели на меня.

— Это Зоя, — сказал Матиас и встал с бокалом. Он был в чистой рубашке и абсолютно счастлив. — Я привёз её с материка. Она будет жить в моём доме. Она считает всё, что видит, и уже знает, сколько у меня ложек. Посмотрите на её руку, тётя, и не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Ни один бокал не шелохнулся. Про ложки он не спрашивал и не видел; значит, с погреба было слышно. Я взглянула на собственное запястье и поразилась, с какой лёгкостью, оказывается, совершаются уголовные преступления.

В середине стола поднялась маленькая круглая женщина лет семидесяти с руками кузнеца. Она взяла мою руку, повернула к свету, прочла, хмыкнула и не выпустила. Ладонь у неё была горячая и шершавая, как печной кирпич, и обхватывала запястье целиком.

— Серафима, — сказала она. — Я его вырастила, так что можешь жаловаться. Ну? Скажи что-нибудь, невестка. А то мы тут про тебя всё уже решили.

Двадцать три лица. Заготовки лежали у меня в голове в полном порядке: тепло, письмо, сильные руки, последнее теперь подтверждено осмотром. Только рот ими не заведовал. Рот с утра тридцать семь раз отрабатывал другое, в лодке, и там у него почти получалось.

— Рада знакомству, — сказала я.

Легко. С улыбкой.

Звук был совсем тонкий, словно кто-то провёл мокрым пальцем по краю. Он начался у моего бокала, перешёл на соседний и пошёл вдоль стола, от одного к другому, не спеша, как идёт по ряду ревизор, и добрался до самой стены. Мастер Тит поднял голову.

Стало слышно, как под столом ребёнок что-то жуёт.

Такую тишину я очень хорошо знаю. Так смотрят на ревизора, когда он открывает не ту папку, только раньше на моей стороне всегда были документы. Матиас рядом со мной не двинулся. Под столом его нога аккуратно встала на мою и надавила.

Серафима Орсо глядела на меня снизу вверх, всё ещё держа за руку, и лицо у неё медленно менялось. Потом она откинула голову и захохотала так, что закачалась лампа.

— Ой, не могу! Рада она! Ой, спасибо! Двадцать лет он нам водил кого ни попадя, все рады, все в восторге, сладкие, как варенье, а тут первая честная! — Она хлопнула меня по руке, по самой строке, и я перестала дышать, но строка держалась. — Правильно, девка. И я не рада. Садись. Ешь. Рыбу любишь?

Бокал стоял справа. Рыба лежала прямо передо мной, целая, с глазом. У меня с детства отвращение к рыбе.

— Рыбу едят, — сказала я.

Бокал молчал. Стол взревел. Кто-то передал мне блюдо, кто-то налил, ребёнок из-под стола похлопал меня по колену в знак признания, и разговор накрыл нас, как вода накрывает камень, сразу про всё. Матиас убрал ногу. Он наклонился к моему уху, будто хотел сказать что-то нежное, и от него пахло дымом и нагретым песком.

— Рыбу едят, — прошептал он. — Я всю жизнь так не умел. Выходите за меня.

— Здесь стекло, — сказала я, не разжимая зубов.

— Я и не утверждал. Я предложил.

Бокал молчал.

На вопросы я весь вечер отвечала правдой, по одной фразе, как выдают сдачу. Да, с материка. Да, служила. Нет, детей нет. Да, он много говорит. Рыбу я разобрала на части, отделяя мокрые белые куски от костей, и разложила по краям тарелки так, чтобы съеденного казалось больше: это не утверждение, и за это ничего не бывает. Когда жена старшего мастера с серьгами спросила, как это у нас с ним случилось так быстро, я сказала: «Я сама удивляюсь», и меня погладили по плечу. Её соседка спросила, как мы познакомились.

— Он написал письмо, — сказала я. — Я приехала.

Соседка приложила руку к груди. На том конце кто-то высморкался. Матиас Орсо смотрел в потолок с лицом человека, у которого сошлась смета.

А потом девочка лет шести высунулась из-под стола у самого моего локтя и спросила, люблю ли я дядю Матиаса. Все засмеялись и замолчали, и сразу стало понятно, что смеялись только наполовину. Для этого заготовки не было. Над этим местом он в лодке, кстати, не задержался, хотя задерживался над всем, включая приливы.

Я подумала. Он сидел, откинувшись, крутил бокал за ножку и глядел на меня, как глядят на канатоходца, в которого вложили деньги.

— Я не встречала человека, которого было бы так трудно проверить, — сказала я.

И весь стол сказал «о-о-о» и стукнул кружками, и Матиас Орсо, лучший мастер Вельмара, на одно короткое мгновение перестал крутить бокал.

Кружки стучали долго. Только ладонь у стены не дрогнула от этого стука, лежала себе на доске, как лежала. Мастер Тит так и не вернулся к еде, которой, впрочем, не касался. Он смотрел на меня через весь стол светлыми, очень спокойными глазами, и я не могла установить, что именно он там читает: лицо или рукав.

Уже у двери, когда мне подали шаль и все целовали меня по третьему разу, манжету я держала пальцами. Чернилам обещано было «до вечера», а вечер кончился час назад. Серафима взяла меня за локоть и отвела в сторону, к полке, где стояли бокалы. За спиной у нас пели. Смеяться она перестала, и без смеха лицо у неё оказалось гораздо меньше и старше, зато глаза остались те же, быстрые, как у кассира.

— Ты считать умеешь, — сказала она негромко. — Так посчитай. Он у нас за тридцать девять лет ни разу не соврал. Ни разу, понимаешь? Ни одного писка, с самого детства. Я его сама проверяла, я тебе говорю.

Через её плечо мне было видно его спину за столом. Он рассказывал что-то детям, размахивая руками, и дети падали.

— Это, наверное, хорошо, — сказала я.

Бокал на полке едва заметно запел.

Серафима взглянула на него, потом на меня и кивнула, будто я наконец ответила правильно.

— Вот и я так думаю, — сказала она, нагнулась и подняла с пола мою шаль.

Я не помнила, когда её уронила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.